

Яркий солнечный свет проникает в школьные окна, и Че Ён тихонько поет на его фоне. Рядом с ней подпевают другие дети ее возраста, весело смеясь, словно они попали в другой мир. Я сижу на своем месте и тихонько задыхаюсь, наблюдая за этой сценой. Не могу оторвать глаз от школьной сцены, которая кажется мне похожей на нереальный фильм, но при этом она так близко.

Сегодня суд над Ким Юн Сиком, поэтому атмосфера в Эдеме морозная, а выражение лиц у всех недовольное. Только школа, где собрались дети, работала в обычном режиме.

Это было наше первое школьное собрание с момента создания Эдема. При таком плохом настроении учителя школы решили придумать, чем занять взволнованных детей и подавленных взрослых. В результате было организовано мероприятие, на которое собрались родители и дети. Естественно, все мы, получившие отпуск, пришли, и теперь сидели и смотрели, как Че Ён и дети поют хором.

Я не мог скрыть своего восторга, наблюдая за тем, как хорошо поет Че Ён. Улыбка не сходила с моего лица, а бешено колотящееся сердце готово выпрыгнуть от счастья. Я был так благодарен, что тихонько склонил голову перед учительницей, которая играла сбоку на пианино.

— Интересно, чьи это дети такие красивые? — показательно громко прошептал Старый, сидя рядом со мной в первом ряду. Сбоку от него сидит его внучка, а он занят тем, что смотрит на наших детей, как на своих собственных внуков. В такие моменты он выглядит как...обычный дедушка.

— Дон Юн, посмотри сюда.

Я повернулся, и тут меня осветила вспышка фотоаппарата, а затем мгновенный снимок, и я не успел опомниться, как на снимке уже было изображено моё глупое лицо. Кан Су Рён, державшая в руках фотоаппарат, улыбнулась и опустила его. Она достала фотографию и протянула ее мне.

Где она взяла фотокамеру? Кан Су Рён, занятая фотоаппаратом, была похожа на мать, пришедшую посмотреть на концерт дочери. Тихонько протянул ей фотографию, на которой я ошарашенно смотрю в одну точку, и сказал.

— Пожалуйста, сфотографируй лучше Че Ён, а не меня.

Затем Кан Су Рён подошла ко мне и показала одну за другой фотографии, сделанные ею. Дети поют, Старый хлопает в ладоши от восторга, Юн Пал стоит с детьми, и все весело смеются.

— Дон Юн, не хочешь сфотографироваться?

Пока я просматривал фотографии и улыбался каждой из них, Кан Су Рён смело подошла ко мне, держа камеру объективом к нам, как будто хотела сделать селфи. Я на мгновение замешкался из-за ее неожиданной просьбы, но не смог отказать, видя ее улыбающееся лицо, поэтому поднял голову и посмотрел на камеру.

Она прижалась ко мне. Я чувствовал исходящий от нее легкий аромат мыла и почувствовал странное облегчение, а не смущение. Всегда, когда я попадал в беду и едва выходил из нее живым, она плакала и крепко обнимала меня. И вот, как и тогда, я притянул ее к себе так, что мы с ней поместились в узкой рамке фотографии. Вскоре щелкнул затвор, и камера выплюнула снимок.

Она протягивает фотографию нас двоих и жеманно улыбается. Затем достает ручку и начинает что-то писать на белом фоне под фотографией. Мне стало любопытно, и я подошел к ней сзади, чтобы посмотреть, но она засмеялась и прикрыла ее.

— Не подглядывай, — сказала она. — Это секрет.

Я шутливо заворчал и стал настойчиво лезть, чтобы посмотреть фотографию, но она с хихиканьем уворачивалась от меня. Через некоторое время я услышал, как Ким Си Ын зовет Кан Су Рён. Ким Си Ын и Старый доставали из сумки коврик и корзинку с ланчем, видимо, собираясь пообедать, когда дети закончат петь.

Кан Су Рён снова с довольным лицом отскочила от меня. Я не мог не посмеяться над ее ребячеством и решил не смотреть на фотографию, раз она не хочет. Тем не менее, попросил ее об одном одолжении, прежде чем она пойдет к Ким Си Ын и Старому.

— Можно мне взять у тебя фотоаппарат?

Она с готовностью согласилась, предупредив, чтобы я не сломал его. Я принял тяжелую камеру и молча смотрел на Кан Су Рён, пока она уходила.

Концерт закончился, и дети разбрелись по залу в поисках своих родителей. Со всех сторон доносился смех и радостная болтовня. Ко мне подбежали наши дети, радостно улыбаясь. Но вместо того, чтобы поприветствовать их, я медленно прошел в конец зала и сел на свободное место.

Это было как раз то, что нужно. В поле моего зрения попала группа смеющихся людей. С трудом сглотнув, я взял в руки фотоаппарат и стал снимать, как ребята расстилают коврик и готовятся к трапезе.

Палец на спусковом крючке теперь нажимал на затвор, чтобы запечатлеть это теплое мгновение.

[Фотография приколата в середине дневника, а под ней написано слово "Эдем". Это единственная фотография, которую он сделал в Эдеме. Интересно, ощутил ли он тогда настоящий Рай? Фотография немного нечеткая]

Я проводил все свободное время, играя с детьми. Как только закончился учебный день, мы устроили с ними снежный бой, и я накопил домой кучу сладостей. Ребятишки играли в настольные игры до захода солнца, и я просто болтал с Че Ён о ее мечтах.

Че Ён хочет стать художницей. Я догадывался об этом каждый раз, когда она рисовала картину, но был рад, что она первая мне об этом сказала. Ей больше не снятся кошмары, и она всегда хвастается мне, что ей снятся супермены и киты. Каждый раз, когда я брал ее рисунки, точно знал, что там будет Супермен или кит.

Гигантский кит плывет меж звезд, неся на спине Че Ён, а Супермен следует за ним. Они были в центре Млечного Пути. Звезды сияют над их головой, теплый ветерок щекочет щеки и волосы. На картине Че Ён всегда улыбается. Кит и Супермен тоже улыбаются вместе с ней.

Я погладил спящую девочку по голове.

— Дон Юн.

Уже наступила ночь, и большая часть группы крепко спит. Но только Старый сидел в гостиной и читал книгу. Мы с Че Ён были в нашей комнате, когда он позвал меня.

Я встал с места, стараясь не разбудить ребенка, и прошел в гостиную. Вскоре понял, что Старый не один. В гостиной удобно расположились Глава Эдема, Очкарик и Пак Дэ Бак. Я почесал затылок и спросил.

— Что вы делаете здесь так поздно?

Обычно нас вызывали в конференц-зал, если что-то происходило. Но на этот раз лидер сам пришел к нам домой, да еще и Пак Дэ Бак здесь. Глава кивнул и повернулся ко мне.

— Прости, что постоянно вас вызываю. Сегодня я сам пришел.

Наверное, у него есть причина, но мне приятно, что он пришел лично. Я медленно пошел к тому месту, где сидел старик, и вскоре сел лицом к Главе и Пак Дэ Баку, а Кан Су Рён зашла в гостиную, принесла нам по чашке кофе. Лидер принял кофе с улыбкой и склонил голову.

— Итак, что привело вас сюда?

Теперь притворство было ни к чему. Он кивает, ничуть не обиженный на мою прямоту. Отложил кофе, повернулся ко мне и Старому и рассказал о результатах состоявшегося днем судебного заседания.

— Его приговорили к изгнанию.

— Этого недостаточно, — тут же ответил Старый.

Конечно, мы считали, что его стоило казнить, но это только наше мнение. Глава покачал головой.

— После вынесения приговора Ким Юн Сик даже не возражал, а чиновники слова не проронили. Решающим в вынесении приговора стали показания членов боевых отрядов. Семьи погибших и жители тоже голосовали.

Изгнание. Это практически смертный приговор. Разве можно выжить там, где это очень трудно? Хуже, чем смертная казнь. Мне сложно выживать в Городе, а Юн Сику и подавно. Он наконец-то получил наказание за то, что пренебрег жизнями девятнадцати человек.

Глава печально вздохнул. От него исходил сладковатый аромат цитрона.

— Ну, хватит об этом, есть еще важная тема.

Лидер улыбнулся, сдерживая горечь, одним глотком выпил кофе и некоторое время изучал мое лицо. Я не мог не повернуться к нему и не посмотреть в глаза, и на мгновение почувствовал его боль, увидев его морщины и седые волосы. Глава сказал.

— Нам нужно реорганизовать боевые отряды. Место лидера свободно. Кандидатом номер один, конечно же, являешься ты, Дон Юн, и я сегодня здесь, чтобы просить тебя об этом.

Это было ожидаемое предложение. Но я ответил прямо.

— Отказываюсь.

Капитан боевого отряда. Самая важная роль в обороне Эдема. Это серьезная должность, отвечающая за внешнюю безопасность и боевые действия, но это была и ключевая позиция власти, которая позволяла контролировать Эдем. Интересная должность, которая могла быть как безопасной, так и опасной, в зависимости от того, как к ней относится Глава. Но я отказался от предложения без малейших колебаний.

— Я знал, что ты это скажешь.

Лидер улыбнулся, как будто знал, что я это сделаю. Он жестом указал на Очкарика, сидящего рядом с ним. Старый, молча наблюдавший за происходящим, повернулся ко мне.

— Почему отказываешься? Разве это не хороший пост?

Я качаю головой. Конечно, это безопасное и хорошее место. Возможно, если бы меня туда распределили, я мог бы бегать по Эдему сколько душе угодно, играть с ребенком сколько угодно и вести богатую и стабильную жизнь. Но я через многое прошел и повидал этот мир. Чувствовал, что во мне что-то изменилось. Я не хотел забывать эту часть своей личности.

Тогда Глава повернулся ко мне и сказал.

— Ну, теперь, когда бродяг нет...

— Ага, — ответил я коротко, понимая, к чему он клонит.

Глава мягко улыбнулся и продолжил.

— Вообще-то, Приюты — часть нашего Эдема, и им трудно поддерживать себя в рабочем состоянии из-за всех этих мутантов. Все они опытные люди, так что мы можем поставить вас к любым из них, но один товарищ настаивает на том, чтобы вы присоединились к определенной команде.

Встречаюсь взглядом с Дэ Баком, который усмехается и делает еще глоток холодного кофе. Я начал понимать, почему он пришел на дисциплинарное слушание и ходил за мной по пятам, и в голове промелькнули его слова, сказанные в тот день.

Глава продолжил.

— Может, в твоём отряде и не хватает сотрудников, но я удовлетворю просьбу Пак Дэ Бака. Надеюсь, вы работаетесь и добьетесь хороших результатов.

Тусклый свет непрерывно мерцал, разгоняя крошечную тьму. Лидер спросил.

— О чем задумался, Дон Юн?

Я ответил, что о поиске и спасении.

Мне всегда казалось, что я бегу по темной, туманной дороге. Было страшно, жутко, и я отчаянно искал луч спасения, особенно, когда плакала Че Ён. Каждая ситуация, каждая реальность была такой. Я всегда видел будущее вдалеке, туманное, темное и неясное.

Но теперь всё было хорошо. Теперь я хотел освещать путь другим.

Стать для них маяком.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4866208>